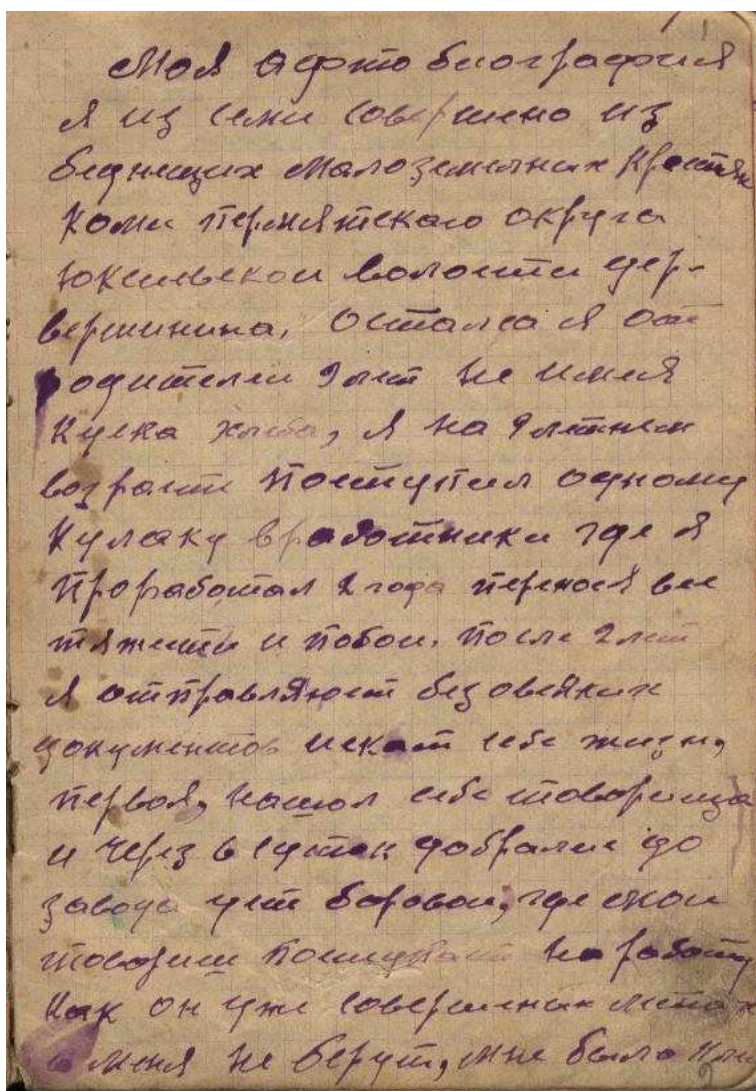

Воспоминания участника революции

В нашем музее хранятся мемуарные записи многих участников революции и гражданской войны. Среди них выделяются воспоминания Якова Михайловича Петрова «Жизнь с 9-летнего возраста и до 33 лет» (Ф. 130. оп. 1. д. 442. – СКМ 2566 / 5), поскольку написаны в середине 1920-х годов по свежим следам событий, когда в массе были живы их участники, которые тогда еще не освоили мифотворчество, а сами события не утратили своей остроты. Живым языком, употребляя «пролетарскую» терминологию, Петров знакомит нас с фактами, свидетелем и участником которых он оказался, с бытовыми подробностями того времени. Без прикрас и утайки высказывает свое отношение к происходящему, чего нет в позднейших воспоминаниях участников гражданской войны.

Из «Воспоминаний Петрова Якова Михайловича» 1920-х гг.

...В декабре [1917 года] я прибыл в г. Пермь. В Перми явился в губревком, откуда я снова начинаю вести военную линию¹. В Перми мне дают в распоряжение 1й Пермский советский батальон, который был сформирован [мною] в 10-дневный срок. Оттуда пришлось метаться во все стороны против монашеских восстаний, против подпольных организаций во главе архиереев и митрополитов, а также против керенщины. И тут было жарко.

14 февраля я получил распоряжение от тов. Окулова немедленно выехать в гг. Соликамск и Чердынь, где сформированы буржуазные дружины. В ночь на 15 февраля с 14 человеками и с 2-я пулеметами я двинулся на Соликамск. В дороге дали мне пополнение: 20 человек в Лысьве и 30 человек в Кизеле, и на Содовом заводе человек 15. Всего стало отрядников человек 70. Мы с Содового завода двинулись по двум направлениям: часть отряда по зимней дороге, а часть по летней.

5 километров, не доезжая до Соликамска мы соединились, приняли боевой порядок и направились на Соликамск. Зашли в город, оказалось, что все спокойно. Дружина, по-видимому, от испугу, разошлась по домам вместе с оружием. Только сама буржуазия собралась в городской управе во главе с городским головой и ведут собрание. Как узнали, что в городе красные, они стали расходиться. Мы тут же оцепили и стали производить обыск. Оружие оказалось почти у каждого карманное, разной системы, что нами было отобрано. А сами были освобождены. Мы приехали не для того, чтобы делать бесчинство, а мы приехали вырвать корни изгнившего дерева и посадить новое, молодое, сильно растущее дерево.

Итак, по прибытии разместили отряд, заняли бывшую гимназию, а штаб на площади в здании О[бщества]. п-[отребителе]й. В тот же вечер произведены у подозреваемых обыски и объявлен митинг. На митинге было объявлено: находящееся у граждан оружие военного образца в течение восьмичасового срока доставить в указанное место. И действительно, собралось оружия около 150 штук, и револьверов около 40 штук. Вот чем был Соликамск вооружен против 75 человек. Но буржуазия задумала одна нас задушить, и на второй день город был объявлен на военном положении. Мы сделали повальный обыск, было еще найдено некоторое оружие, и после этого на третий день объявили митинг⁴.

Собралось народу много. И буржуазия не отстала: собрались все поголовно, они задумали сами себя показать. И действительно, в середине митинга буржуазия стала надвигаться на агитаторов. И уже лезли на трибуну, но я стал некоторых отталкивать. Вдруг выстрел, и пошла со всех сторон стрельба. Я почувствовал в двух местах ожоги. Действительно две пули всадили в плечо и ниже пояса в бок. Оказалось, наших 4 человека убитых и 8 человек раненых, в том числе и я.

Буржуазия кинулась было на волю, но не тут-то было. Здание митинга⁵ оказалось нашими окружено. Вновь в публике сделали обыск и, кроме одного заядлого черносотенца, [оружия] ни у кого не нашли. А тот тут же был взят и отправлен по существу⁶. В зале митинга обнаружено на полу и в уборной несколько оружия. При обыске подозреваемые были арестованы и отправлены в тюрьму, где были сделаны допросы и некоторые виновные найдены.

После того в Соликамске сформирован советский батальон⁷ в числе 50 человек, а отряд двинулся на г. Чердынь, где прошло все спокойно. Даже отряд вернулся с подарками, в теплых сапогах и в тулупах.

Я в г. Соликамске оставался на месяц. После чего меня вновь вызвали в г. Пермь для формирования 1-го Пермского кавалерийского эскадрона. Около Челябинска уже идут бои, и я в Перми прожил до июля месяца, откуда и выступил по направлению завод Лысьва – завод Кын.

В то время уже был сдан Свердловск, и мне пришлось направиться под Свердловск. Не доезжая до Верхнего Тагила мой эскадрон оказался в кольце, откуда с боем пришлось отступить. Оказалось, несколько человек раненых. Я вышел на завод Кын, а противник уже занимает Кын. Мне вновь пришлось принять небольшую стычку и отступить, так как с нашей стороны кроме нашего эскадрона никаких частей и отрядов нет. У белых силы большие, у них пехота и конница, численностью до 1000 человек, а у меня 120 клинков. Силы не равны для боя, и мне пришлось отступить до станции Калино, так как в заводе Лысьве наших уже никого больше не было.

На станцию Калино прибыл Ленинградский 8 кавалерийский дивизион, куда и был влит наш эскадрон. Мне было дано распоряжение из штаба 3-й армии срочно принять артиллерию на бронепоезде № 2 имени Ленина в качестве инструктора, так как орудий только два. Я взял из ленинградских 40 чел. ребят и на скорую руку обучил орудиям, наводке, прицелу и дистанционным трубкам. Трудно привыкали к прицельной рамке, но освоили хорошо и вступили в бои за Лысьвой около станции Кормовища.

Наш броневик стал ежедневно принимать бои, курсируя по линии от Лысьвы до ст. Кузино. Но белая банда со всех сторон наступает и наступает. И после месячных боев измученных и истощенных ребят из ленинградской команды броневика пришлось сменить, отправить на отдых. А на смену им прибыли со станции Усольской деповские рабочие в числе 40 человек. Броневик со свежими силами вновь вступил в бой.

На второй день боя броневик вышел из строя, снарядом белых разбило угол орудийной площадки. В том числе и я из строя вышел, мне осколком сломало ребра. Броневик на ремонте был 6 дней, а я в то время лежал в больнице завода Лысьва. Когда сообщили, что броневик готов, и я объявил свою готовность, так как в больнице лежать долее было опасно, а на броневике я чувствовал себя всегда спокойным. Также там я был нужен, деповские ребята были совсем не обучены, от станка, а поэтому при боевых действиях мне надо всегда быть самому при орудии.

Так наступила осень, а колчаковщина силами чешских наймитов лезет со всех сторон, и нам приходится отступать. В тот момент на станции Кын грузятся семьи ж.[елезно]д[орожных]. служащих, также и на разъездах. Нам приходится их ожидать и пропускать назад. А за нами был резервный блиндажный поезд Павелова, с которым мы были связаны. Но в связи с отводом поездов с семьями ж.[елезно] дор[ожных]. служащих и также подрывного поезда до следующей станции, блиндаж[ный]. поезд т. Павелова ушел до станции Кормовища [на] 15 к[ило].метр[ов] от нас. Этим временем белые и воспользовались.

В тылу, от нас в 6 км, разобрали линию, т.е. достали костыли на откосе линии. В связи с усиленным боем и темнотой ночи, не заметив порчи дороги, передний вагон нашего бронепоезда от быстрого движения зарылся в землю и потерял параллельность. Из-за этого с бронеплощадки открыть пулеметный и орудийный огонь невозможно, а белые бьют по нам со всех сторон оружейно-пулеметным и артиллерийским огнем. Нам только можно бить из 5-и пулеметов и из одного орудия, и то только по одной цели, так как из орудий бить нужно вбок в одну сторону. Ночью ущерб у нас не было, а как рассвело, то белые стали бить прямо нам в бойницы, так как они были метров на 100 от нас в лесу за прикрытием.

Утром убили на тендере паровоза помощника нач. бронепоезда матроса «Рюрика». Начальник был в отъезде в штабе 3-й армии. И тут же оказались убитыми 4 пулеметчика и раненых 6 человек. После чего со стороны белых увеличилась орудийная стрельба по броневнику, и уже стали срывать боковые броневые щиты. Опасность для нас все увеличивалась и увеличивалась, из строя стало убывать больше. Снаряды противника стали проскакивать к нам в бойницы, и меня в то время ранило в ногу.

Дальше ждать было нечего. Команды осталось всего 10 человек, из коих 7 человек ранены, а остальных раненых убило снарядами. Нам ждать более нечего. Мы давай разносить по вагонам перексидин и динамит, и также на паровоз. Но паровоз и так должен взорваться, так как было поднято паров выше красной черты термометра. У нас имелись 2-е пулеметчиков подрывников, у которых были фитили, провод и аппарат индуктор, посредством чего и думали взорвать броневик.

Нам взорвать бронепоезд не пришлось. Мы не успели свалиться с бронепоезда в тайгу, то есть в лес, как броневик оказался на воздухе. Я еще получил вторую рану от осколка брони в левую руку и совершенно свалился, дальше идти был не в силах. В то же время меня подхватили два

незнакомых лица и повлекли с собой. Они были из подроспевшей на выручку красноармейской роты, и нас спасли. Нас доставили в завод Лысьву. Но в Лысьве я пролежал немного, так как было распоряжение отступить. А так как санитарный поезд был переполнен ранеными, меня, по моей просьбе, отправили в город Соликамск.

И вот я снова в Соликамске. Я думал скорей починить себя и снова на фронт. В Соликамске мне не пришлось долго прожить, так как фронт был на носу⁹. Настала зима, я все-таки немного с помощью костыля мог ходить, и мне предложили...¹⁰

... и предложил ему [сельскому старосте] собрать мужичков, мне нужно кое-что объявить. Староста сначала подумал, ступил с ноги на ногу, к затылку правой рукой приложился и только тогда пошел. Деревня была небольшая, домов 15. Вскоре мужички собрались, я им все пересказал, что нужно нам сено, овсы, хлеб печеный для движущихся войск, за что буду платить по установленной казенной цене. Объявил им цены на все, и мужики дали согласие. Я дал им задание со двора по 15 пудов сена, по 5 пудов овса и печеного хлеба по 30 фунтов, и мужики ушли. Через 4 часа должны все обоз собрать около моей квартиры, было время час дня.

В 5 часов вечера я должен доставить все, фураж и хлеб, в придорожную деревню, где у меня обозначен этапный пункт, куда должны все деревни, которые я объехал, доставить фуражи и продукты. Но прошло три часа, обоза все нет. Послал за старостой, и его нет. Я думаю: что за черт, неужели они уехали за сеном и все еще не вернулись? Вдруг прибегает мальчишка хозяина и говорит матери, что к нам все наши мужики идут с ружьями. И тут я понял, в чем дело, что меня ждет. У меня из оружия с собой 2-х ствольная централка, наган и артиллерийский тесак. Больше ничего не было.

И действительно мужики вкатываются в дом, все почти вооружены, а оружие охотничье, больше шомпольные дробовики. Я понял, в чем дело, схватываю свою централку и из обоих стволов даю залп картечью прямо в толпу. Они сразу кидаются на улицу, а несколько человек лежат на полу. Я, схватив наган, на улице еще свалил человека 4-е. Когда я очутился на улице, то около крыльца оказалась лошадь в запряжке в пустые дрововозные сани, которая, по-видимому, была предназначена мне, т.е. для отвоза моего трупа.

Я схватил тесак, от одного удара вожжи оказались разрубленными, и я вскочил на коня. В то время откуда-то из-за костра дров¹¹ раздалось два выстрела, и конь подо мной рванулся, пронесся по деревне и помчался по снежному полю. Ехал я не по той [по которой прибыл] дороге и не знаю, куда. Только сейчас я почувствовал за воротником мокро, оказалось, мне в спину закатали дробью. Дробь сквозь шубу и пиджак не прошла, а две дробины попали в шею, откуда немного просачивалась кровь.

Я скакал не тихо, и поэтому мой конь стал пошатываться. На мое счастье я попал в какую-то маленькую деревушку. Не доезжая до деревни, вижу: мужчина везет из гумна солому. Я остановил его, взял его коня, а своего оставил ему, и подался дальше. Мужик что-то мне кричал, но я его не понял. Он несколько [саженей] пробежал за мной, угрожая кулаками, я тоже его не понял. Я был без слов, потому что я не выполнил то, что было мне задано.

На этом коне я скакал также, как и на том. Настала ночь, я еду и не знаю, куда, по каким дорогам. Вдруг вижу зарево, дорога идет прямо на него. Думаю, где-то горит гумно с хлебом. Доезжаю до этого зарева. Вдруг схватывают меня со всех сторон и стаскивают с лошади. Я оказался среди восстанщиков, где было около 200 человек. Эта деревня зажжена мадьярами¹² и отступила [в леса]. Ну, думаю, дело пропавшее. Меня сразу раздели и разули. Остался на снегу босиком и в одном белье.

Тут в толпу пришли человек шесть хорошо вооруженных, с винтовками и у некоторых имелись наганы. Один подошел ко мне и обратился к публике: кто взял его одежду, дать ему старое. Мне бросили пермяцкие лапти без портянок и синий халат без подклада и увели к какому-то обозу, где меня посадили на сани и повезли на Юрлу. Штаб восстанщиков уже Юрле. В Юрле заставили часть моих вещей мне возвратить. Также у меня были с собой кресты и знаменная книжка¹³, и это все мне возвратили.

И тут залетает в дом один пермяк и кричит, что Юрлу окружают [красные]. Тут меня выводят на улицу. Я думаю: готов, сейчас на расстрел. Но когда вышел, то велют садиться на подводку. И еще вывели двух из амбара и тоже посадили. И повезли. И я только понял – в Уролку. Но я думал, что это сказали кому-то другому, а не нам. А нас вывезут за поля и там расплата. Но кони бегут быстро и также конвой верхами, не останавливают, а едут за нами. Впереди постреливают из винтовок.

В санях сидят кроме меня еще три человека: два мужика и один конвоир. Говорят: мы были взяты в подводки¹⁴, побросали своих лошадей, но документов у нас нет, и нас забрали. Один говорит: я из Гришкиной, другой говорит: я из Тиминой, а белые говорят: вы красные. Доехали до дер. Гришкиной, один остался, так как его общество удостоверило, что он был в подводах. А когда прибыли в Уролку, то второй мужчина оказался офицер белой армии, который разлагал население¹⁵ около с. Юрлы, Юма, Кочевой и в селе Юксеево.

В с. Уролке этот офицер меня передал коменданту. Но комендант с. Уролки на меня набрасывается с наганом в руках и кричит сидевшей тут же комендантской команде: обыскать этого разбойника и немедленно расстрелять, я его знаю, он, когда служил у меня, был первым разбойником (это был лесопромышленник Нешатаев, у которого я служил куренщиком по лесозаготовкам и приказчиком, где меня Нешатаев заставлял обсчитывать лесовозов-крестьян, я стал спорить и отказываться от его предложения, потому я и стал для него разбойником). Тут же сидящие местные граждане ему ответили, что он [Петров] при жизни в Уролке вел себя хорошо и добросовестно.

При обыске у меня нашли кресты и передали Нешатаеву, и он вторично набрасывается на меня и говорит: с кого снял? Я ему ответил, что я такими делами не занимаюсь и вам не велю, и передаю ему знаменную книжку. Только тогда зверь укротился и стал спрашивать, чем заслужил. Я отвечаю: пролетариат все заслуги добывает только своей кровью, а палачи получают заслуги тоже за пролетарскую кровь. Мне дальше говорить не дали, книжку Нешатаев передал мне обратно, а кресты оставил у себя.

Меня отправили в ту же ночь на Чердынь. Нас везли шестерых. Дорогой два человека замерзли, так как были в одном белье. Когда доставили до г. Чердыни, у меня у ног пальцы оказались отмороженными. В Чердыни нас привезли в дом купца 1-й гильдии Малого Алина, где находилась вся офицерская свита. Когда нас завели в одну из комнат, мы не успели оглянуться, как на нас набросилась вся офицерская свора с наганами и с кулаками. После чего я ходил дней 15 с разбитой головою.

На завтра после допроса нас увели в тюрьму. В тюрьме нас посадили в одиночку, где сидело 26 человек. Ступать ногами было некуда, приходилось лезть прямо на людей. Утром осталось нас девять человек, а остальных увели на расстрел. Расстреляли в тот день 79 человек. А на второй день было предназначено на расстрел 100 человек, в том числе и я. Но в этот же день приехал в тюрьму комендант города поручик Якушев, который вызвал меня в тюремную канцелярию и стал допрашивать насчет какого-то расстрелянного городского головы и двух монашек, про которых ничего я не знал. В то же время он объявил: по случаю знаменной книжки и крестов расстрел тебе отменен, и ты приговорен к концлагерям в Сибирь.

На завтра я получил 40 штук шомполов, и [меня] положили в больницу при тюрьме, где я лежал до 29-го января. А 29-го января в числе 17 человек партию нас направили на Усольскую станцию через город Соликамск. Я задумался, что в Соликамске меня все знают и мне не миновать борка¹⁶, так как... (далее текст обрывается).

1 Петров служил в царской армии с 1910 года, участвовал в Первой мировой войне, был полным георгиевским кавалером; участвовал в событиях февральской революции.

2 Датировка дана Петровым по новому стилю и не совсем верно, так как, согласно документам и другим воспоминаниям очевидцев, 14 февраля (31 января ст.ст.) в Соликамске уже прошел митинг, провозгласивший советскую власть.

3 Буржуазией в данном случае Петров называет гласных городской думы – представителей купечества и мещанства.

4 Митинг 31 января (14 февраля н.ст.).

5 Дом общественного собрания, известный как Барановский дом, в настоящее время здание городской администрации Соликамска.

6 Термин, обозначающий «убит», но по другим воспоминаниям, нет сведений, что кого-то расстреляли прямо тут же.

7 Отряд красной гвардии.

8 Петроградский.

9 Подходили колчаковцы.

10 В подлиннике отсутствует 1 лист. Вероятно, далее идет рассказ о том, как Петрову предложили организовать отряд по заготовке фуража и продовольствия для готовящихся к эвакуации красноармейцев и служащих советских учреждений.

11 Мера сложенных дров; здесь – поленница.

12 Бывшими пленными венграми, воевавшими против России на стороне Германии.

13 Георгиевские кресты и удостоверение к ним.

14 То есть, рекрутированы красными в их обоз для эвакуации.

15 Агитировал против советской власти.

16 Борок – поляна в лесу близ Соликамска по Чердынскому тракту, место расстрелов чекистами «контрреволюционных элементов», а позднее – колчаковцами коммунистов и сочувствующих.

Соликамский краеведческий музей

<http://skmold.solkam.ru/stati-nauchnyh-sotrudnikov/>